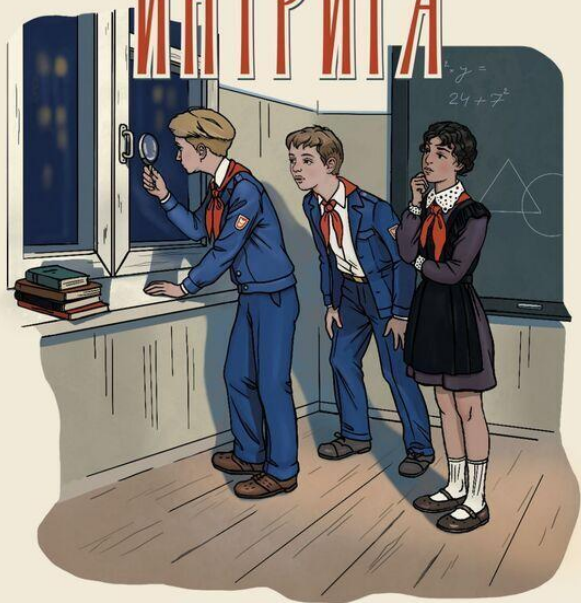


124 Сергей Нестёркин

ШКОЛЬНАЯ ИНТРИГА



Нестеркин С.В.
Школьная интрига.
Следственный чемоданчик

<https://litres.ru/74173328>

ISBN 9785006979420

Аннотация

Нивелир исчез, журнал сгорел, а в школу не пришла униженная одноклассниками девочка. Что общего в этих событиях? Как три разных сюжета оказались в одной книге? Ответ прост: кто-то затеял игру, словно на незримой шахматной доске, переставляя учителей и учеников, провоцируя, подталкивая их к нужным действиям.

Так началась Великая школьная интрига...

Содержание

От автора	5
Начало	7
Интрига и интриганы	10
Следственный чемоданчик	14
А тем временем в школе...	26
Урок фиксации	29
Расходные материалы	35
Урок фиксации следов обуви	39
Актуальная головоломка	45
Азартная игра с незнакомцем	46
Сложности игры в сыщика	54
Первое преступление в школе	62
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Школьная интрига

Следственный чемоданчик

Нестеркин С.В.

© Нестеркин С.В., 2026

ISBN 978-5-0069-7942-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сочинить детективную интригу дело несложное. Достаточно поскрестить криминальную хронику последних дней, удобно устроиться в мягком кресле, почитать, вникнуть, пофантазировать... и вот, с кончика карандаша на бумагу сползает очередной главный герой — следователь или сыщик — неотразимый интеллектuala, тонкий психолог, способный одним лишь взглядом просканировать противника и сделать о нем единственно верный вывод с помощью дедуктивного метода. Он будет умело носить костюм с галстуком, владеть боевыми искусствами, эффектно стрелять по-македонски и с бедра, виртуозно метать ножи, на одном дыхании пробежать марафонские дистанции, запоминать тексты страницами и даже знать о чем можно и о чем нельзя говорить с женщинами. Это будет супергерой!

Жаль только, что вымышленный.

Но зачем автору плодить бумажных гениев сыска и надеяться их сверхчеловеческими способностями? Разве нельзя явить миру реальную историю с героями настоящими, ведь реальность всегда сложнее вымысла. Тем более, произошла эта история сравнительно недавно и герои ее вполне себе живут среди нас и здравствуют; лишь повзрослели, семьями обзавелись, детей родили и большие должности заняли.

Однако в те славные времена, когда слово «Перестрой-

ка» все слышали, но результатов еще не увидели, было нашим героям по 13 лет. Учились они в седьмом классе одной из школ-десятилеток небольшого подмосковного городка, на события в стране и мире плевали с высокой колокольни, пользовались плодами беззаботного счастливого детства и зачем-то решили поиграть в сыщиков — лавры старины Холмса снискать захотели.

Решить-то они решили, но слишком поздно поняли, что антиподы сыщика — это хулиганы, интриганы, преступники. Вот только играть с юными следопытами эти антиподы даже не собирались.

Короче, влипли ребята в игру...

Начало

Любое сходство с реальными событиями и людьми — случайно

Для Миши все началось в тот день, когда бабушка подарила ему старую потрепанную книжку о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Конечно, мама была против! Она утверждала, что серьезная английская литература понятна лишь степенным взрослым, что ее сын слишком мал, что он не осилит... и много чего наговорила мама.

Но пришло время и Миша осилил.

Даже не один рассказ он прочитал, а всю книгу, довольно объемную. Ему понравилось, что великий сыщик не только распутывал преступные головоломки, но даже успевал давать советы глуповатым английским следователям, которые без консультации с ним и шагу не могли ступить, путались в следах преступлений.

И дочитался до того, что сам захотел стать сыщиком.

Только он не знал с чего начать.

— Сын, — ответил на его вопрос папа. — В нашей стране были когда-то сыскные части полиции, но потом вместо них создали уголовный розыск и слова «сыск» и «сыщик» устарели. Так что подумай, во что ты собрался играть? Может быть в следователя? Тогда знай, что у современного сле-

дователя есть два помощника — две науки, которые помогают ему раскрывать преступления: криминалистика и криминология. Криминалистика изучает принципы собирания, исследования, оценки и использования вещественных доказательств. А криминология, или уголовная социология, как ее называли во времена Шерлока Холмса, призвана вычислять личности преступников даже тогда, когда их следов не осталось.

— Разве такое возможно? — откровенно не поверил Миша.

— Конечно возможно. Твой Холмс был типичным и очень въедливым криминалистом, настоящим виртуозом осмотра мест происшествий, знатоком сбора и анализа вещественных доказательств! Он исследовал предметы и давал им оценку с помощью своего дедуктивного метода. Но ему помогали не только познания в криминалистике. С помощью уголовной социологии или криминологии, он докопался до главнейшей преступной среды Лондона.

Папа немного помолчал и продолжил:

— Сейчас таких сыщиков нет. Есть криминалисты. Они выезжают на осмотр мест происшествий в составе следственных групп, выявляют и фиксируют следы преступлений, а потом передают все следователям. Именно следователи призваны использовать дедуктивные методы Шерлока Холмса в своей работе для изобличения преступников. А если тот или иной следователь не в ладах с дедуктивным методом... —

тут папа рассмеялся.

— То что?

— То он быстро становится похож на несчастного инспектора Лестрейда и прочих сотрудников старого доброго Скотлэнд-Ярда. Вот потому, будущие следователи в нашей стране сначала долго и прилежно учатся, сдают экзамены, а затем уже получают персональные служебные кабинеты, корочки удостоверений и следственные чемоданчики.

И Миша понял, что без служебного кабинета и корочки удостоверения он пока обойдется, а вот без следственного чемоданчика на следователя похож точно не будет и раскрыть какое-нибудь преступление не сможет.

Ну и начал ныть — намекать на подарок.

Интрига и интриганы

Так повелось, что папа рассказывал Мише на ночь разные истории. Не страшные, но все равно интересные. Эти истории убаюкивали и незаметно погружали мальчика в мир сновидений... ну не спалось без них!

С первого по третий класс Миша любил слушать сказки. Особенно те сказки, где безродный крестьянский сынок пробивался на самый верх, заодно становясь мужем прекрасной Елены... Елены Идрисовой, конечно. Потом полюбил слушать истории о работе следователей.

Но в ночь на свое тринадцатилетие сам задал вопрос:

— Пап, а бывают хорошие интриги?

— Конечно, — с удивлением отозвался папа.

— И плохие тоже?

— И плохие тоже.

— А как отличить плохую интригу от хорошей?

— Очень легко, сынок. Вот посмотри, — папа протянул руку и Миша взглянул на книжный шкаф. — В каждой книжке свой сюжет, а сюжет — это и есть интрига. Хорошая интрига. Интересная интрига. Когда ты читал про Шерлока Холмса, ты не мог остановиться, даже спать не хотел ложиться, интрига тебя держала!

— Значит, автор тоже интриган?

— Ну что ты! Разве можно назвать писателя интриганом

лишь за то, что он вложил интригу в действия героев? Конечно, нельзя. Ведь герои у него вымышленные. А настоящий интриган — это обычный человек, который плетет интриги против таких же обычных людей.

— И много их можно встретить?

— Интриганов? Достаточно много. В каждом коллективе хоть один да найдется. Хлебом их не корми, но дай поинтриговать! — засмеялся папа, будто вспомнив какой-то случай из своей служебной практики.

— А на кого он похож, интриган? — Миша спросил и в первый раз клюнул носом, будто птичка зернышко.

— На человека похож. Вот ты можешь отличить шахматиста от учителя? — Миша мотнул головой. — Все верно, не можешь. И никто не может. Я всегда считал интригу своеобразной шахматной игрой. Только реальных игроков за доской двое. И оба понимают, что будут делать с пешками и фигурами, по каким правилам их перемещать. А интриган играет один...

— А как он играет?

— О! Это великая игра. Игра без правил! Он намечает себе противника, который об этом даже не догадывается. Потом определяет свои фигуры, то есть тех своих коллег, которые ему будут полезны. Определяет фигуры противника. Ищет слабые места в расстановке фигур противника и делает ход. Один ход, второй, третий, четвертый! Продвигает свои и выбивает чужие фигуры. Так, ход за ходом, его противник

лишается поддержки в коллективе и остается совсем один. Вот тогда интриган окончательно и бесповоротно добывает свою жертву и занимает ее место, если чья-то мудрая воля или простой и нелепый случай его не остановят. Но остановить интригана очень сложно!

— Ого! Почти как детектив! А у тебя на работе есть интриганы?

— Когда-то был один, — улыбнулся папа. — Но его выгнали. У нас прокурор мудрый, его не проведешь.

— А в нашей школе есть интриганы?

— В вашей? Ну, этого я не знаю... ты спи! Школа — такой же коллектив, а в любом коллективе хоть один интриган, да есть. Я об этом уже сказал. Так что многое зависит и от мудрости директора школы, и от мудрости учителей, и даже от мудрости учеников. Но ваша Анна Лазаревна лет пятнадцать, как на царство помазана, — тут папа даже рассмеялся от сравнения. — Она у вас непотопляемая, не волнуйся за нее!

— Про учителей понятно. А причем тут ученики?

— Предположим, что интригу начал плести учитель. И тогда школа для него превращается в незримую шахматную доску, где он расставляет и перемещает как свои фигуры, так и фигуры противника. Но фигур в школе мало. И тогда для победы могут понадобиться пешки, которые бегут только вперед и ни о чем не думают.

— А пешки это мы, ученики?

— Естественно. Фигуры — это учителя. Они взрослые и умные. А пешки — всего лишь доверчивые дети, которыми интриган с легкостью и без малейшего сожаления готов жертвовать, чтобы свалить противника.

— А если ученики не захотят быть пешками?

— Тогда это гениальные ученики! — вновь улыбнулся папа.

— А в чем их гениальность?

— В том, что они смогли заметить интригу.

— А как ее заметить? — пробормотал Миша.

— В какой-то момент ты вдруг начнешь замечать вокруг себя нечто такое, чего раньше никогда не замечал. Просто череда непонятных событий. Одно будет накладываться на другое, другое на третье, и так далее. И ты ощутишь необъяснимую тревогу, не понимая ее причин. А теперь спи и пусть тебе приснится долгожданный подарок!

И мальчик уснул.

Следственный чемоданчик

«Михаил, мне столько недель от роду, сколько моей дочке дней, а вместе нам 32 года. Решай, раз спросил. Но если первого сентября я не услышу верный ответ, то...» — ну не шла из памяти непонятная задача, страшило возмездие за некорректный (это он только потом понял) вопрос о возрасте новой учительницы алгебры. И это лишь полбеды. Настоящая беда в том заключалась, что на последнем в шестом классе уроке литературы пообещал Миша в каникулы прочитать Хрестоматию за 7 класс.

Но пообещать не значит прочитать!

И волновался теперь за него внутренний голос: просил почитать русскую классику; угрожал страшными карами за неверный ответ о возрасте учительницы; даже кошек на сердце поселил и скребли те внутри своими острыми коготками...

Миша проснулся, содрогаясь.

Солнце уже давно повисло над плоскими крышами соседних домов, сквозь туманную дымку засияло меж дымящихся труб металлургического завода и слало на запад ясные лучи, волна за волной — прямо в окно и даже прямо в противоположную от окна стену, где на клочке картона папиным почерком было аккуратно выведено лишь одно слово: «Лоджия».

Молнией мелькнула мысль о подарке. Миша вскочил и побежал, шлепая по полу босыми ногами. Не до утренних формальностей ему сразу стало. И холодная вода, и зубная паста, и остывший омлет — все это могло подождать, а лоджия — нет. Застекленная, стойкая к погодным катаклизмам, она была огромна. Не только большую комнату, но и кухню скрыла лоджия от улицы, словно веранда при деревенском доме, только не на первом, а на седьмом этаже. Именинник надеялся на чудо! И надежда его не обманула. На облупленном деревянном полу стояло то, чего вчера там точно не было.

Миша увидел, догадался и буквально взвыл от восторга!

Конечно, на подарке не было написано: «следственный чемоданчик». И похож он был на обычный светло-серый матерчатый чемоданчик с кожаными вставками, с черной пластмассовой ручкой, блестящими замочками, застежками-молниями и ремешком, чтобы носить его на плече. С похожим чемоданчиком папа обычно ездил в командировки и мама клала ему в дорогу комплект белья, галстук, да коробочку зубного порошка с щеткой.

«А вдруг и тут галстук?» — с ужасом подумал Миша и живо представил, как сейчас на пол вывалится папин галстук в косую полоску... но усилием воли прогнал противное навязание и приступил к осмотру.

Металлические замочки на чемоданчике оказались декоративными, а большое отделение запиралось на широкую за-

стежку-молнию с двумя бегунками-собачками. То есть закрывалось-открывалось оно и справа налево, и слева направо. Это очень удобно, так как бегунки можно сводить и соединять друг с другом в любой точке, даже в середине. Но главное, взяв чемоданчик в руку, Миша почувствовал изрядную тяжесть.

Внутри лежал явно не галстук!

Миша хотел тут же открыть свою мечту, но не смог. Сведенные бегунки, папа предварительно связал пропущенной через их кольца нитью, концы которой склеил бумажным ярлыком. Не порвав нить с ярлыком, развести бегунки стало невозможно. В довершение ко всему, будто издеваясь над именинником, ярлык улыбался ему круглыми мультяшными мордочками под надписью: «Не вскрывать до 17 часов».

И все стало ясно. Папа заранее принес домой подарок, но хотел вскрыть его лично, в присутствии всех домочадцев.

Миша на мгновение замер в нерешительности.

Но окрыленный догадкой, потащил подарок в свою комнату, сел на пол, поставил перед собой чемоданчик, взялся одной рукой за нить, а другой за ярлык. Потянул за пропущенный меж бумажных листов конец нити в одну сторону, потом в другую, потом пошевелил нитью и повторял, повторял, повторял движения, придерживая ярлык, чтобы тот не порвался.

В конце концов цепкий клей поддался и освободил для нити маленький туннельчик, по которому та спокойно за-

скользила и Миша вытянул ее из ярлыка, не повредив бумагу. Затем развязал узелок, совершенно снял и отложил нить в сторону — путь был открыт.

Одно за другим Миша вынул из глубин большого отделения и разложил на полу таинственное подспорье криминалиста. К его счастью, вовнутрь была вложена опись, из которой стали понятны названия не только извлеченных предметов, но и самого следственного чемоданчика. Это оказался вовсе не «следственный чемоданчик», а «унифицированный криминалистический чемодан для осмотра места происшествия, изъятия объектов и фиксации следов для последующего проведения экспертиз и исследований».

Миша часто слышал подобные слова от папы, когда тот разговаривал по телефону, но значений их Миша не знал.

Чтобы лучше запомнить названия, он взял плотный лист со стола сестры и начал составлять свою опись, понятный себе перечень. И дело двинулось довольно быстро:

пассатижи с изолированными рукоятками,

ножовка по металлу,

молоток,

стеклорез роликовый,

отвертка крестовая,

отвертка плоская,

индикатор напряжения... — тут Миша задумался. Он понятия не имел, что такое индикатор и о каком напряжении может идти речь. Но никто не отменял дедуктивный метод и

метод исключения: сначала отложить известные предметы, а потом уже догадаться о назначении оставшихся.

И Миша продолжил:

стамеска,

ножницы,

пинцет,

скальпель... — а вот что такое пинцет и скальпель Миша не знал. Он только помнил старый анекдот, как во время медицинской операции хирург-шутник вдруг потребовал у своих ассистентов подать ему сначала пинцет, потом скальпель, затем медицинский спирт... и огурец на закуску!

Прыснув от смеха, Миша продолжил:

линейка офицерская... — такая линейка когда-то лежала у него в ранце, пока в прошлом году соседка по парте, длинноволосая смуглянка-красавица Лена Идрисова не сломала ее.

Миша вспомнил, как девочка потянулась за его линейкой в тот момент, когда за ней потянулся он сам. Он взял линейку первым, а Лена второй. Он потянул линейку на себя, а та потянула ее на себя...

Была одна офицерская линейка, стало две!

А в Лену он давно влюбился.

Вообще-то она появилась у них неожиданно. Незадолго до первых в жизни ребят зимних каникул, директор их школы Анна Лазаревна ввела за руку в класс очень смуглую девочку с черными косичками и слегка раскосыми черными

глазками.

— Ребята, это Леночка. Ее родители переехали в наш город и теперь она будет учиться в нашей школе, в вашем классе, — именно так объявила директор и моментально пересаживала фыркнувшего Лешу Типунова на последнюю парту, а Лена примостилась на его место, рядом с Мишей.

Потом уже выяснилось, что отец девочки — дядя Тимур, знал еще папу Лешы — дядю Сашу, который учился в одной школе с мамой Миши. После окончания военного училища отцы Лены и Лешы проходили службу в соседнем городе, а когда Леше было шесть лет, а его младшей сестренке всего несколько месяцев, дядя Саша получил ранение на войне в далекой и влажной стране, был оттуда успешно эвакуирован в Москву, но умер в госпитале. Миша даже запомнил, как солдаты стреляли в воздух на похоронах и они с Лешей потом собирали крутобокие гильзы.

Мама говорила, что Леша внешне очень похож на своего папу в детстве: такое же круглое лицо, такие же большие глаза и оттопыренные уши, такие же непослушные густые русые вихры. Только Леша хохотун и любитель подраться, а его папа был серьезен, он просто любил подраться.

Миша с удовольствием отложил офицерскую линейку к известным ему предметам и продолжил свой список:

линейка масштабная... — непонятым оказалось слово «масштабная». На первый взгляд, это обычная линейка с делениями. Такие линейки можно купить в любом магазине.

Но здесь, помимо привычных сантиметров и миллиметров, были еще какие-то дюймы. Они не совпадали ни с сантиметрами, ни с миллиметрами, и это сбивало с толку.

Моток пластиковых бирок,
рулетка,
штангенциркуль,
ком...

Компас! — Миша не мог поверить своим глазам. Вот это был настоящий подарок, а не какая-то маленькая игрушка с красно-синей стрелочкой, которые изредка «выбрасывали» на прилавок магазина «Турист». Это был настоящий компас, почти военный, что светился в темноте зеленоватым светом из-за флуоресцирующего покрытия.

Миша только раз видел такой же на уроке природоведения. Компас в тот день принесла их первая учительница, Нина Николаевна, но потом ценный приборчик исчез. Говорили, что его украли. Даже милиция приходила в школу и Миша очень испугался, что подумают на него.

Тогда ребят учили, как определять север и юг по стволу дерева и по муравейнику, а по компасу не успели научить. И теперь, когда представилась возможность, Миша решил проверить, в какую сторону будет указывать стрелка рядом с муравейником или деревом.

Дальше пошли совсем уж непостижимые предметы:
фонарь с белым и синим светом,
фонарь с ультрафиолетовым светом,

оранжевые очки... — сердце застучало сильно-сильно. Миша вскочил с пола, включил один фонарь, включил другой фонарь и начал вертеть ободки в разных направлениях, придавая свету то один, то другой цвет; надел очки, посмотрел на оранжевый мир через оранжевые стекла и, чуть успокоившись, продолжил осмотр:

элементы питания,

лазерный визир... — а это что за предмет? Напрягая память, Миша вспоминал при каких обстоятельствах он уже слышал слова «лазер» и «визир». И вспомнил, что визири были при дворцах восточных раджей и султанов, а лазер — это известный «гиперболоид», который тонким лучом резал все на свете.

Но где же тут гиперболоид?

Впрочем, среди инструментов оказался фонарик, чей пучок света не рассеивался, а бил в одну только точку — как лазерный луч, как луч гиперболоида инженера Гарина! — лазерный визир.

Пакеты упаковочные,
конверты,

слепочная масса... — мальчик взял в руки и осмотрел увесистый целлофановый сверток, сквозь стенки которого угадывалось не то белое, не то светло-серое вещество.

Шпатель,

лак для затвердения следов... — со шпателем все ясно, а слово «лак» красовалось на алюминиевом баллончике, по-

хожем на тот, из которого мама и сестра каждое утро фиксировали свои модные прически.

Гипс строительный,
арматура (стальные проволоочки),
лупа,
линза с увеличительным стеклом,
кисточка,
дактилоскопический порошок,
дактилоскопические пленки... — именинник вспотел и
страхнул капли пота со лба. Он прекрасно знал, что во всех
фильмах по отпечаткам пальцев следователи раскрывали са-
мые замысловатые преступления.

Время летело незаметно. Если сравнить время с текущей
водой, то это была уже не тихая полноводная река, а самый
настоящий и очень грозный водопад — так неслись минуты
и пора было закругляться.

Решив подшутить, Миша сложил свое богатство в отдель-
ную коробку, а следственный чемоданчик нагрузил учебни-
ками.

Потом пробежал на кухню, где в одном из выдвижных
шкафчиков нашел тоненькую портняжную иголку в которую
вдел ранее снятую нить, пропустил через отверстия в сведен-
ных бегунках и аккуратно протянул ее в туннельчике меж-
ду склеенными листами ярлыка. Но ярлык соскальзывал, а
сердце стучало громко-громко.

Миша догадался намазать конец нити обычным канцеляр-

ским клеем и повторил попытку, — получилось! Нить приклеилась изнутри к бумаге.

А времени осталось всего ничего — минут двадцать на то, чтобы вернуть чемоданчик на лоджию да закончить обычные утренние дела.

Именинник заправил кровать, умылся, почистил зубы, позавтракал и тут в коридоре послышался шум, скрежет ключа в замке и в квартиру вошли улыбающиеся мама и папа.

— Поздравляем с днем рождения, сын! — с порога воскликнули они хором, а мама протянула большой... нет, она протянула огромный торт!

И сразу раздался звонок.

Это телефон вдруг ожил и один за другим позвонили бабушка и сестра, которая задерживалась на работе. Потихоньку о Мише начали вспоминать одноклассники: Лена Идрисова позвонила из Гудермеса; Алеша Типунов позвонил из Сочи; даже бывший одноклассник Сережа позвонил из городской медсанчасти, где ему только что закончили долбить нос.

А когда телефон утомился, папа крикнул всех к столу.

Вот, что значит день рождения! Не было привычной тарелки супа из кислой капусты на мясном бульоне, не было макарон с сосиской, а был один торт, одно огромное колесо кремово-белковых коржей и сливочно-шоколадного крема, уже разрезанное на множество долек таким интересным об-

разом, что каждую дольку украшала отдельная розочка!

— Ну сын, — спросил папа. — Как тебе подарок?

— Какой? — прочавкал Миша.

— Как! Ты не нашел подарок? А еще хочешь быть следователем! — весело засмеялся папа. — Ну, пойдем, вместе поищем.

Несмотря на возражения мамы, мужчины (папа с сыном) все же вышли из-за стола и направились в маленькую комнату. Мама поспешила за ними, она тоже хотела посмотреть, просто ей не понравилась та легкость, с которой был оставлен праздничный стол.

— Вот лист, — папа подошел к стене, — и на нем запись.

— Ну и что? — сдерживая смех, спросил Миша.

— Как что? Это подсказка, нам туда, — папа взял Мишу за ворот рубахи и повел на лоджию, где указал на уже знакомый нам чемоданчик. — Вот он, подарок! Ты же так долго о нем просил!

— Так у меня уже есть школьный ранец! — с деланной обидой в голосе вскричал Миша и скорчил физиономию под стать интонации.

Папа ничего не заметил. Но только не мама. От мамы ничего не ускользнуло. В отличие от своего мужа, она прекрасно разбиралась в игре лицевых мышц сынишки. А папа даже не заподозрил подвоха, хотя и был когда-то следователем, пока не стал заместителем прокурора. Он просто взял в руки чемоданчик и потрогал бумажный ярлык — все в целости.

— Это не школьный ранец, это следственный...

— Следственный чемоданчик! Ура! — закричал Миша с такой искренней радостью, что даже у мамы появились сомнения в ее догадке.

— Отрываем ярлык и открываем... учебники?

Мама рассмеялась, — расстроенный вид папы обескураживал. Чуть не захлебнулся от смеха и сам Миша. Отсмеявшись, он рассказал свои утренние приключения, потом пересказал их пришедшей сестренке и веселый ужин завершил собой тринадцатую дату его рождения.

Хоть и без гостей, но мальчик остался доволен. Ему пошел «четвертый год второго десятка», а перед сном Миша все-таки подсчитал, через сколько лет он станет взрослым... лет впереди оставалось еще много.

Но зато у него уже сейчас появился следственный чемоданчик и он сможет начать расследовать преступления сам! Миша был счастлив.

А тем временем в школе...

Еще в пятом классе на первом уроке истории Миша узнал о принципе организации древних государств — Пирамида. Если вспомнить картинку из учебника, то небольшая верхушка, представленная очередным фараоном, давила на аристократов, чиновников, армию и полицию, а все вместе они дружно давили на огромное основание — на народ.

По мнению Миши, школа тоже представляла собой Пирамиду. Если заменить фараона на директора, аристократов на его заместителей, чиновников на учителей, а полицию и армию на технический персонал во главе с физруком, получится вполне стандартное древнее государство, где угнетенное основание составляют ученики.

Анна Лазаревна — самый настоящий фараон в юбке.

Находясь на вершине школьной Пирамиды, она уже многие годы давила на всех, кто стоял ниже. Ее крепкой рукой управлялся коллектив, поддерживалась дисциплина и решались хозяйственные вопросы. Она даже преподавала английский язык в тех счастливых классах, где его не вела слишком молодая и требовательная Ксения Алексеевна Фрайбург.

Ребята боялись директора и старались лишний раз не попадаться ей на глаза. Ее глаза могли метать молнии. Попад под грозный взгляд, можно было почувствовать электрический разряд!

Но не все было так плохо.

При Анне Лазаревне всегда имелся барометр ее настроения — складочки под подбородком. Все знали, что если их две, то директора можно не бояться. Да, она метнет строгий взгляд. Да, разразится гром ее голоса. Но наказания не последует. Если же складочка оставалась одна, то за строгим взглядом и громовым раскатом обязательно следовал электрический разряд и нехорошие последствия. Но когда складочки исчезали и оставался лишь только подбородок... ох, тогда беда!

И вот, в летние каникулы в Пирамиде произошли изменения. Ту самую учительницу русского языка и литературы — Галину Алексеевну, которой Миша обещал прочитать Хрестоматию за 7 класс, неожиданно перевели в новую школу, причем перевели с понижением. Ведь раньше она совмещала должности учителя и заместителя директора. Вместо нее, заместителем Анны Лазаревны был утвержден Иннокентий Павлович — учитель физики старших классов — высокий и плотный, абсолютно спокойный, флегматичный дядя. По манерам своим напоминал он аристократа Филеаса Фогга из книжки Жюль Верна: никогда не повышал голос и по школе ходил плавно, словно лебедь по зеркальной глади озера плыл. Однако из-за выпуклых ли щек или из-за носа-картошки, но все находили в нем поразительное сходство с известным в стране укротителем кошек. Ребята так и прозвали своего учителя: «Снизу аристократ, сверху — Кеша». Метко

прозвали, по заслугам! Дело в том, что на фоне других своих коллег, учитель физики выделялся поразительной памятью. Он помнил буквально все до мелочей и за каждую мелочь со всех строго спрашивал. Мелочным он был и дошным. Не любили его за это ни ученики, ни учителя, но утвердили на должность почему-то именно его.

И тогда же положение Анны Лазаревны изменилось. Кто-то незримый начал глядеть на все ее действия, на все события в школе будто через мощное увеличительное стекло, будто через лупу, замечая и фиксируя все промахи.

Незримая шахматная игра началась!

Цель — низложение директора.

Урок фиксации отпечатков пальцев

На следующий вечер после дня рождения, папа принялся объяснять Мише назначение предметов из следственного... нет, из «унифицированного криминалистического чемодана для осмотра места происшествия, изъятия объектов и фиксации следов для последующего проведения экспертиз и исследований». Или все же из следственного чемоданчика?

Но прежде папа спросил:

— Так ты решил задачку про возраст учительницы?

— Нет, а как ее решить?

— Понимаешь, сын. Если ты хочешь стать следователем, ты должен учиться мыслить. А мыслительный процесс надо подпитывать не только едой, но и разными головоломками. Я могу тебе подсказать, но что толку? Сам решай. Не сможешь решить, тогда с достоинством получи обещанную двойку и впредь не задавай взрослым женщинам вопросы о возрасте. А в нагрузку вот тебе еще задачка: часы отбивают четыре удара за шесть секунд; за сколько секунд часы отобьют двенадцать ударов?

— Это же элементарно, папа! — тоном артиста Василия Ливанова ответил Миша и даже засмеялся. — Если четыре удара за шесть секунд, то двенадцать ударов за шесть умно-

жить на три... за восемнадцать секунд!

Но папа не улыбнулся, а поморщился.

— Видишь, ты мыслишь как школьник, а не какследователь. А что мы имеем в реальности? Удар не длится ни одной секунды. Длятся промежутки между ударами. Понимаешь? Четыре удара это четыре минус один, то есть три промежутка. Три промежутка длятся 6 секунд, то есть по 2 секунды каждый. А сколько промежутков между двенадцатью ударами?

— На один меньше. Одиннадцать?

— Верно. Два умножить на одиннадцать, получаем двадцать две секунды, а не восемнадцать. Вот видишь, надо сначала подумать, а потом считать. Семь раз отмерить, а потом только отрезать! Так работаетследователь. То же самое и с твоей учительницей. В той задаче подсказка заключена в слове «неделя», вот и думай, а пока продолжим.

Некоторые предметы папа сразу попросил вернуть ему. Он считал их опасными для игр и Мише пришлось расстаться с похожим на тонкий нож медицинским скальпелем, а также с индикатором напряжения, который напоминал отвертку с длинной рабочей частью.

— С помощью такого индикатораследователь всегда может проверить на каком проводе фаза... — и папа сунул рабочую часть в одно из отверстий розетки — там оказалась фаза, там был ток, так как в прозрачной красной рукоятке этой странной отвертки зажглась лампочка.

И лазерный визир для измерения пространства папа тоже забрал, хрупкий и дорогой инструмент надо было вернуть на работу. Но фонари, оранжевые очки, компас, дактилоскопический порошок и пленки — все осталось в полном распоряжении Миши.

С пальцевых отпечатков папа и начал свою науку.

Все очень заумно оказалось, но Миша понял главное: на эпидермисе, то есть на верхнем слое кожи ногтевой фаланги пальца (та часть, которую прикладывают к чернильной подушечке при дактилоскопии), имеются выступы — гребни и линии, то есть узоры, которые называют папиллярными.

Для каждого человека характерен свой узор. За последние сто лет не было выявлено ни одного случая совпадения кожных узоров у разных людей. Даже у близнецов они различаются!

А сам отпечаток пальца — это лишь потожировое вещество, что выделяет ладонь человека, он и остается на гладких поверхностях при касании.

— Узор хорошо виден, если прикоснуться к оконному стеклу, — папа продемонстрировал, но Миша это и раньше знал, только понять не мог, как такой зыбкий, связанный с поверхностью узор, можно изъять и сохранить для поиска преступника?

И пока мальчик об этом думал, папа рассказал, что потожировое вещество само по себе может стать основой для исследования, которое называют генетической дактилоскопии.

ей.

— А вообще-то, сынок, — добавил папа, — всем этим премудростям люди в институтах учатся, долго и упорно.

Но Миша и без института понял, что если папиллярный узор смазан, то следователь может назначить экспертизу и сличать не отпечатки пальцев, а нечто более сложное, чего без специальной техники не разглядеть, что-то там на молекулярном или генетическом уровне.

Папа подошел к письменному столу и потрогал защитное оргстекло.

— Преступник оставил след, — сказал он. — Теперь насыпем порошок на то место, до которого он дотронулся и возьмем кисточку, — легкими движениями папа погонял черные песчинки по поверхности.

— Смотри. На стекле остались похожие на завитки линии. Это и есть папиллярные узоры, то самое потожировое вещество к которому прилипли некоторые крупинки и сделали его видимым. Ну а теперь нам осталось снять их с поверхности!

Папа взял дактилоскопическую пленку, отделил ее клейкую часть от подложки и аккуратно наложил на песчинки, налипшие на потожировое вещество папиллярного узора. Наложил, чуть разгладил, тут же оторвал пленку от поверхности оргстекла и вновь приклеил к прозрачной подложке.

— Вот! Отпечаток пальца снят и зафиксирован!

Миша внимательно следил за действиями папы и словно

дирижер водил руками в воздухе, повторяя его движения. Но папа схватил сына за правую руку, поочередно приложил каждый из пяти пальцев к чернильной подушечке для печатей и к бумажному листку, который озаглавил: «Правая рука Миши». А потом над каждым отпечатком проставил название пальцев: «большой», «указательный», «средний», «безымянный», «мизинец».

То же папа проделал и с левой рукой Миши.

То же Миша проделал с руками папы.

— Теперь нам осталось сравнить двадцать полученных отпечатков с тем одним, который снят с поверхности оргстекла.

И Миша приступил к идентификации, то есть к сравнению нанесенных на бумагу пальцевых отпечатков с единственным изъятым образцом.

Откровенно, он совершенно не обратил внимания, каким пальцем какой руки папа оставил отпечаток, а вот теперь определил — папа оставил след указательным пальцем левой руки.

— Для вертикальных металлических поверхностей можно использовать не только графитный, но и магнитный порошок. Но помни, что порошки закончатся быстро, а новые тебе никто не даст, так что придется делать их самому, — без тени юмора закончил мысль папа. — Я тебя потом научу.

Он всегда был серьезен, когда говорил о следственной работе.

Папа устало потянулся, в какой уже раз сладко зевнул, встал со стула и на третий уже мамин призыв ужинать пошел на кухню.

«Бог троицу любит», — говорил он в таких случаях.

А вот Миша не мог успокоиться, все у него изо рта валилось. Перед сном он перепачкал порошком стенки холодильника, оконные стекла, дверцы шкафов и поверхности столов: пытался фиксировать следы пальцевых отпечатков везде, куда смог дотянуться.

В итоге, порошок он извел уже к полуночи.

Расходные материалы

— Суть дактилоскопического порошка в том, что он мелкий, легкий и заметный. Не портит папиллярные узоры и не размякает при контакте с липкой лентой. Из этих его качеств будем исходить.

С этих слов папа начал новый урок. Он принес из кладовой карандаш, гнутую металлическую проволоку и напильник с мелкими засечками, потер о него грифель карандаша и на чистом листе образовалась горка тертого графита.

Над другим листом папа долго тер о напильник проволоку.

А пока тер, рассказал такой случай:

— На городском рынке торговали две старенькие колхозницы. Им вместе надо было продать 60 колхозных птиц: 30 гусей и 30 кур. Гуси шли по 5 рублей за пару, а куры по 5 рублей за тройку. Как и планировали, птиц они продавали партиями по пять штук, а всего 12 партий. К концу торгового дня они передали деньги директору рынка без пересчета и тот выдал им справку о проданном для колхоза товаре на 120 рублей. Но у стоявшего на посту сотрудника милиции вдруг появилась своя точка зрения и он задержал директора рынка за мошенничество. Кто из них прав?

Миша с недоумением записал условие, а папа убедился, что натертых им порошков достаточно и приложил палец к

стеклу письменного стола, а Миша высыпал в том месте тертый графит и мягкой кисточкой распылил его, совершенно не опасаясь разрушить узоры — на оргстекле вновь проявились линии и завитки.

— Получилось! — недоверчиво воскликнул мальчик, перебирая в уме условия рассказанной ему истории.

— Конечно получилось. Если будешь стараться, все и всегда у тебя будет получаться. А еще ты должен уметь держать в голове большой объем информации, как и любойследователь. Имей в виду, что не только порошок, но и пленка быстро заканчивается, их так и называют: расходные материалы.

Папа достал из ящика рулон прозрачной липкой ленты, похожей на современный скотч, а вслед за ней отрез плотной полиэтиленовой пленки, тоже прозрачной. Отмотав от рулона сантиметров десять ленты, папа приложил ее к столу так, что под липкую часть попал папиллярный узор с налипшими на него крупинками графита. Затем он разгладил ленту тряпочкой, отделил ее от стола и перенес на пленку, — отпечаток оказался между двух прозрачных поверхностей.

— Как видишь, так делать сложно, но тоже можно. Все-таки стандартная дактилоскопическая пленка плотнее липкой ленты, она не может свернуться в самый ответственный момент, не может порваться.

И вскоре Миша добился мастерства. Липкая лента в его руках перестала морщиться и перекручиваться, а переносимый с поверхности отпечаток вполне сохранял свою форму

между лентой и полиэтиленом для дальнейшей идентификации, то есть сравнения.

В завершение второго урока, папа достал магнит и примагнитил к нему мелкую стружку — опилки, наточенные с металлического прута. А после ужина взял и бросил их россыпью на боковую поверхность холодильника.

К удивлению Миши, опилки прилипли к дверце.

— Так получают магнитный порошок, — просто пояснил папа.

Да, только что снятые с магнита опилки намагнитились и сами стали маленькими магнитиками. Как обычный порошок, они налипали на потожировое вещество и фиксировали пальцевые отпечатки на вертикальных металлических поверхностях.

Миша насобирал по квартире дюжину простых карандашей и с помощью напильника превратил их грифели в порошок, а металлическую проволоку извел на опилки.

Но не забывал и про директора рынка с милиционером.

— Папа, а это реальная история? — спросил он перед сном.

— Реальная. Спи! — только и ответил папа. А как тут заснуть? Миша волновался. Птицы действительно продавались партиями по 10 рублей; в каждой партии 5 птиц. Итого 12 партий по 10 рублей за каждую. А всего на сумму 120 рублей. За что тогда задержали директора? Безобразие! — не только руки Миши от работы, но и мозги устали от мыс-

лей, от непривычно большого объема информации.

Весь следующий день он закреплял знания.

Урок фиксации следов обуви

— Это лак, — продолжил учение папа. — Почти такой же, как для укладки волос. Только используют его не женщины для укрепления прически, а криминалисты для укрепления следа в сыпучей поверхности, чтобы стенки не осыпались при заполнении наливным способом.

— Наливным способом?

— Да, наливным. Гипс наливают. Смешивают сухой порошок с водой, размешивают и массу осторожно заливают в след, а после ее застывания вынимают из грунта слепок протектора, то есть подошвы.

— А если преступник сменит обувь? — не унимался Миша.

— И здесь ты прав, сын. Опытный преступник обязательно сменит обувь после преступления. И даже всю одежду сменит. Ничего старого на себе не оставит. А то и документы поменяет. Но следователь уже определит: мужчина это или женщина, рост и вес; стиль верхней одежды; тип обуви, где ее произвели, в каких магазинах продавали и когда. Фильм «Рожденная революцией» ты же смотрел. Помнишь? Там по одной лишь ниточке на осколке стекла вычислили спортсмена-преступника.

Отложив пакет с гипсом, папа достал пакет с мастикой.

— Мастика это не гипс. Ею фиксируют отпечатки твер-

дых предметов в твердых же поверхностях. Например, ты ткнешься локтем в незатвердевшую штукатурку и не заметишь этого. А как только штукатурка затвердеет, в ней останется отпечаток твоего локтя. Его и фиксируют мастикой, которая застывает и принимает форму отпечатка. Но вряд ли она тебе пригодится. Пластилином обойдешься, — закончил папа и забрал мастику.

А вечером, за домом он выбрал место с рыхлой почвой, прошелся по ней пружинистой походкой и оставил цепочку следов новыми ботинками с протекторами «елочкой». Затем открыл пакет с гипсом, — на ощупь и по цвету этот порошок был похож на муку. И пока папа разбавлял сухой гипс водой в мерном стакане, Миша щедро опрыскал один из следов в земле лаком, потыкал пальцем и убедился, что стенки укрепились и комочки почвы с них больше не сыплются.

— Когда готовишь смесь, — разъяснял папа, — перемешивай и старайся, чтобы она не была слишком жидкой, а то след размочит. Но смесь не должна быть слишком густой, а то не сможет заполнить форму. Во всем нужна гармония!

Неспешно, от каблука, он начал заливать углубление в земле, пока не заполнил его вровень с поверхностью, а минут через сорок... пока эти сорок минут не прошли, папа напомнил о директоре рынка и о сотруднике милиции, действиям которым прокурор должен дать правовую оценку.

Миша пересказал ему свои мысли:

— 12 партий по 10 рублей каждая. Итого 120 рублей.

В чем подвох? Все честно. Мне кажется, твоя прокуратура должна заняться милиционером!

— Ты прав, сын. Точно так и объяснил директор. Тут вы с ним солидарны. Но представь, что ты прокурор. Ты здесь и прямо сейчас решаешь: возбудить уголовное дело на милиционера за превышение им полномочий или на директора рынка за присвоение колхозных денег путем обмана. При этом, хоть ты и прокурор, ты не в ладах с математикой. Пытаюсь принять решение, ты очарован логикой директора, точностью его суждений, верностью арифметических выкладок и отсутствием жалоб со стороны потерпевших колхозниц. Поверь. Эти женщины еще защищать директора будут!

— Но ведь его расчет верен!

— Да. Но это должен быть не его, а твой расчет! И думать ты должен не его, а только своей головой! Вот и представляй. Сидит прокурор в своем кабинете и решает задачу: 12 партий по 10 рублей каждая, итого 120 рублей. Так в отношении кого возбуждаем дело?

— В отношении милиционера.

— И извиняемся перед директором рынка?

— Наверное, я не знаю.

— Зато я знаю. Если человека незаконно задержали, он имеет право на реабилитацию и официальное извинение прокурора обязательно. Короче, твой последний ответ: на кого дело? — взгляд папы стал серьезен, он в упор, довольно тяжело посмотрел на Мишу, будто на допросе.

— На милиционера, — теперь уже неуверенно произнес мальчик.

— Запомни! И на своем семейном носу заруби, Михаил Александрович! Государственный человек должен думать только своей головой. Только тогда у него все получится. А пока, приняв на себя роль прокурора, ты возбудил уголовное дело в отношении невиновного, а виновного отпустил, да еще извинился перед ним! Считай теперь. Кур отдельно и гусей отдельно. Это их всего 60, но каждой по 30. Тридцать гусей по 5 рублей за пару. Сколько выручили колхозницы за гусей?

— Тридцать делим на два и умножаем на пять.

— Верно. Получаем 75 рублей. Да?

— Да.

— Теперь, — продолжил папа, — то же самое подсчитай для кур.

— Тридцать делим на три и умножаем на пять, итого 50 рублей... а всего получаем 75 рублей плюс 50 не 120, а 125 рублей! — заорал Миша от неожиданного открытия. — А справку он дал только на 120!

— Значит?

— Значит, он 5 рублей украл у них!

— Да! Наконец-то! Только не у них он украл, а у колхоза. Это более серьезное преступление и наказание за него довольно существенное. Значит, что мы делаем? Прекращаем уголовное преследование милиционера и...

— И извиняемся! — покраснел Миша.

— Верно! Но не волнуйся, милиционера уже в участковые перевели, через пару лет из общежития в квартиру переедет. И директора отпустили, не стали уголовное дело возбуждать. Но не извинились. А деньги рынок в колхоз вернул. Так что решили задачу про кур и гусей. Вот видишь. Рано тебе быть прокурором. Тебе пока возраст учительницы надо определить, — засмеялся папа и вынул гипсовую форму из земли.

На нижней ее стороне был зафиксирован протектор ботинка. Папа снял с ноги оригинал и сравнение показало полное сходство. А потом он взял гипсовый след в руки и... с треском разбил его о камень.

Миша вздрогнул от неожиданности.

— Чтобы сделать вещественное доказательство долговечным, — с улыбкой объяснил папа, — его надо укреплять так, как арматурой укрепляют раствор. В следственном чемодане есть проволоочки. Когда будешь сам наполнять гипсом след, залей подошву на половину, подложи арматуру и заливай дальше вместе с ней. А еще ниточки вставь, чтобы к ним потом ярлык с пояснением прикрепить. Арматура укрепит форму и даже при поломке гипс не рассыпется на множество кусочков, а будет пригоден для идентификации, то есть для сравнения с ботинком преступника.

И Миша начал колдовать над следами с тем же рвением, с каким два предшествующих дня изводил дактилоскопический порошок и пленки.

Только теперь он изводил гипс.

Актуальная головоломка

Папа протянул Мише бланк телеграммы:

— На, с работы взял специально для тебя. Самая настоящая телеграмма. Перепиши или заучи, а оригинал я унесу обратно. Конечно, совпадение случайное, но для тебя очень актуально. Расшифруй!

— «Разыскиваются: а/м „Жигули“, „12—16 ювп“, угнан от дома 15 по ул. Победы 6 августа и а/м „Москвич“, „24—12 ювп“, угнан от дома 1 по ул. Мира 15 августа сего года. При обнаружении, просьба сообщить через коммутатор, добавочные 10—12 или 21—13 на имя...» — далее шло имя начальника ОВД.

В полном недоумении Миша заучил телеграмму.

А подвох-то в чем?

Азартная игра с незнакомцем

Лето подходило к концу, а Миша упорно занимался криминалистикой и знал, что по приезду Лены Идрисовой, его долг и прямая обязанность удивить девочку раньше, чем это сделает Леша Типунов, который был горазд на выдумки.

Лена приехала и позвонила.

А на следующее утро Миша собрался к ней. Он быстро оделся, повесил на плечо следственный чемоданчик со всем содержимым, но компас оставил на руке, словно часы на ремешке.

Выйдя из подъезда, Миша решил проверить направление «север-юг» по тому огромному тополю, что своей великолепной кроной частенько оберегал его комнату от ярких солнечных лучей.

За этим занятием его заметил долговязый паренек лет пятнадцати, с подстриженными под «леннона» волосами, в облегающей мускулистый торс разноцветной футболке и расклешенных светло-синих джинсах. Взрослые называли таких ребят «стилягами» или «битлами». И выглядел незнакомец именно так, как родители настрого запрещали одеваться и стричься Мише.

«Чем длиннее волосы, тем короче ум!» — обычно повторял отец. Но, с тоской разглядывая в зеркале щетину волос на своей голове, Миша каждый раз представлял, как ту же

фразу папе говорил дедушка, а дедушке говорил прадедушка, а прадедушке говорил... и все его предки с ним полностью соглашались, ведь они тоже с грустью разглядывали себя в зеркалах. Кроме прапрадедушки, конечно. Тот был крепостным крестьянином и разглядывал свою обриту макушку в колодезной воде.

А молодой человек притормозил возле Миши.

С любопытством поглядывая на компас, он подбрасывал в руке тяжелый металлический биток-горбач — верный признак заядлого игрока «в баночки».

— Ты что делаешь? — наконец, спросил он.

— Определяю север и юг по стволу дерева, — коротко ответил Миша, поняв, что вопрос был задан именно ему. Конечно, общаться со «стилягами» или с «битлами» ему запретили родители, но почему-то голос юноши вызвал полное к нему доверие.

— Зачем?

— Хочу сравнить с компасом, верно ли нас учили.

— И не пытайся. По этому стволу не сравнишь, на нем мха нет. Ты по кроне определяй, — спокойно и вдумчиво отозвался «битл», отошел немного подальше, задрал голову и замер, изучая древо. — Вот смотри на крону и по ней определяй. Видишь, где листва гуще? — Миша кивнул. — Там юг. А север с противоположной стороны. Если повернешься на север, то восток справа, а запад слева... покажи компас! — добавил он вдруг.

Миша снял ценный приборчик с руки и протянул случайному знакомому. Молодой человек повертел компас в руках, еще раз взглянул на крону и кивнул.

— Да, где листва гуще — юг, а там... — он протянул руку в верном направлении, — по утрам восходит солнце.

Сказал, без видимого сожаления вернул компас и спросил:

— А ты «в баночки» играешь?

— Конечно!

— И биток есть?

— Естественно! — Миша с готовностью вынул из кармана биток — свою гордость, хотя и не горбач, но с огромным зубцом-заусенцем.

— О! У тебя с заусенцем! Дай-ка потрогать... ого! Острый. И как? Хорошо ложится? Не откатывается при ударе?

— Почти нет, куда упадет, там и остается.

— Никогда не играл против такого битка, сыграем? Меня Игорь зовут, а тебя как?

— Михаил, но я спешу к однокласснице.

— Только один кон, это недолго. Понимаешь, давно мечтал попробовать свой горбач против настоящего битка с заусенцем. Я даже готов... — тут Игорь глубоко задумался и, будто приняв самое сложное в своей жизни решение, совершенно обреченным голосом добавил. — Я даже готов поставить «капельку» на кон. Знаешь, что такое «капелька»?

Мише ли не знать, что это такое «капелька»! Он прекрас-

но знал, что это такое и его глаза загорелись.

— Другой возможности не будет, — продолжил Игорь мрачно. — Ты только представь, что выиграешь баночку и подаришь ее своей однокласснице; представь, что она тебе скажет! — Миша покраснел от соблазна.

И тут лучше немного пояснить:

Стеклянные бутылки из-под газировки и других напитков с апреля 1893 года закупоривали кроненпробками или корончатыми колпачками. Такие мудреные слова ребятам известны не были и называли они те ребристые колпачки — баночками, а игру — игрой «в баночки». Дело в том, что на плоской стороне каждой пробки производители наносили столь ценимые игроками логотипы, и чем реже встречался такой логотип, тем большую ценность представляла баночка. Самые смелые делали «вылазки», искали и находили баночки на помойках и на свалках, даже у гостиниц и в кемпингах, то есть там, где любили останавливаться туристы-иностранцы. Но мучения и риск того стоили. Баночки являлись универсальной валютой для школьников средних классов. Ребята каким-то образом узнавали их «цену» и безошибочно определяли в каких количествах и какие логотипы друг против друга ставить, как и на что их можно обменять. И играли, конечно! Игра давала шанс «разбогатеть» без риска поцарапать руку и получить заражение крови на свалке или помойке, без риска быть сопровождаемым в милицию, которая тщетно оберегала покой иностранных туристов от таких вот

сорванцов.

Биток же в игре — самое главное и во многом успех игрока зависел от его умения, удачи и битка. Битки были только металлические, в основном плоские, круглого сечения и довольно тяжелые, сантиметров пять или шесть в диаметре. Некоторые битки сохраняли производственный брак — заусенцы или «горбатый» профиль, что особенно ценилось у ребят.

Перед началом игры на асфальте чертилась прямая линия — «граница», в самой середине которой игроки ставили равноценные или сопоставимые по цене баночки. Ставили в «столбик», одну на другую так, чтобы их поверхности с логотипами были обращены вниз, а зубчатые «юбки» вверх. Иногда так выстраивали два, или даже три «столбика» на кон.

Потом распределяли очереди. От «границы» отсчитывали десять шагов и чертили вторую, параллельную первой «линию взброса», от которой каждый бросал свой биток так, чтобы тот перелетел «границу», но приземлился и остановился как можно ближе к баночкам. Первым разбивать начинал тот игрок, у кого перелетевший «границу» биток лег ближе всех к «столбику», вторым — у кого биток лег чуть дальше, и так далее, и так далее. Последние очереди распределялись среди неумех, у которых случились «недолеты».

И начиналась битва. Битками игроки лупили по баночкам с целью их перевернуть логотипом вверх. Сначала бил первый. И бил до тех пор, пока «везло», то есть пока ему удава-

лось в каждый удар перевернуть хотя бы одну баночку. Тогда он забирал ее себе и бил дальше, а остальные с нетерпением ждали, а дождавшись, тоже били и тоже забирали выбитые баночки.

Понятно, что до последних очередь могла не дойти и тогда несчастные теряли не только поставленное на кон, но и шанс «разбогатеть» за счет других, — в игре первые могли забрать все!

Вот Игорь и предложил сыграть в такую игру.

Не в силах побороть соблазн, будучи «мастером битка» среди одноклассников, Миша вызов принял и показал свою личность: салатового цвета помятого «робота» и совершенно новенькую оранжевую «фанту».

Чтобы представлять уровень благосостояния Миши, надо было знать, что за одного «робота» давали десять «фант», или двадцать «пепси», или двести «пустышек», то есть двести баночек без логотипа. Четыре «робота» можно было спокойно обменять на два «окасима» или на одного «короля», а вот сколько «королей» надо дать за одну «капельку» Миша не знал.

Одним словом, положенная Игорем на кон почти новая «капелька» сама по себе была бесценна — символ богатства, а не ставка в игре.

Миша растерялся. Игоря он не знал, в долг играть было против правил, а личный капитал мальчика явно не дотягивал до капитала противника.

Но Игорь остался спокойным. Подметая джинсовой бахромой пыльный асфальт, он подошел к газону, сплюнул и предложил уравнивать ценность «капельки» путем дополнения «робота» компасом.

При этом молодой человек успел прочертить мелом «границу» и положить в самом ее центре вожаденную баночку — мечту, а не ставку. И как только Игорь это сделал, по неписаным правилам, отказаться от игры стало уже нельзя — игра началась. За своими мыслями Миша пропустил момент, когда мог еще «дать сачка», но все же он не прочь был сыграть. Какую бы ценность не представлял для него компас из следственного чемоданчика, «капелька» была достойна, чтобы рискнуть. Подобный шанс выпадает раз в жизни! И мальчик испугался не проиграть, а упустить свой шанс!

Отсчитав десять шагов, Игорь прочертил «линию взброса».

По устоявшейся традиции, право на первый бросок ребята разыграли на «кулачках». Выбрав «камень» против «ножниц», первым биток бросил Миша. Он вложил в правую руку привычную для броска с десяти шагов силу, но поздно понял, что шаги были не его и даже не его сверстника, а более старшего долговязого Игоря. И потому, вторая линия была теперь прочерчена не там, где привык ее видеть и ощущать Миша, а несколько дальше от первой. Биток мальчика немного не долетел до «границы», впился в асфальт знаменитым заусенцем и замер сантиметрах в пяти от вожаден-

ной цели.

Ухмыльнувшись, Игорь красиво изогнулся и бросил свой горбач так метко, что просто разбил «столбик» из двух баночек, которые от удара разлетелись в разные стороны. При этом «капелька» немного прокатилась по асфальту, потеряла скорость и упала логотипом вверх. Молодой человек тут же положил ее в карман и отдельным ударом добил «робота».

Игра была окончена.

Игорь гордо выпрямился, а до Миши не сразу дошло, что он стал самым настоящим «лохом», какими привык видеть только своих противников. Что-то в нем запротивилось такому положению. Но в ту же секунду, как бы упреждая дальнейшие события, к месту сражения подошли два парня, одетые и подстриженные точно так же, как Игорь. Один из них зачем-то взял Мишу за рубаху и замер в ожидании.

— Ну... — процедил Игорь и протянул руку.

Миша счел за лучшее вложить в нее компас.

Он проиграл.

Сложности игры в сыщика

Желая наверстать потраченное в игре время, Миша быстро, почти бегом поскакал к огромному дому, пару лет назад возведенному в двух шагах от всеми любимого кинотеатра. «Великая китайская стена», — так нарекли дом не только смешливые ребята, но и степенные взрослые с того самого момента, когда масштаб строительства стал для всех очевиден. А как его было назвать? Четырнадцать этажей добротного красного кирпича на фоне панельных пятиэтажек — дом действительно напоминал исполинскую стену, которая оберегала древнюю цивилизацию от натиска диких кочевых племен.

И вот именно в этом доме, так непохожем на другие дома в городе, жила девочка Лена Идрисова, так непохожая на других девочек в классе. На общем фоне необычно выделялись ее иссиня черные волосы, такие же черные глаза и смуглая кожа — это отличало ее и вызывало неуместные шутки со стороны белокурой красавицы Жанны Хоменко.

Но несмотря ни на что, Лена оказалась единственной девочкой в классе, с которой дружил Миша... и Леша Типунов.

Путь незадачливого игрока пролегал среди школ, домов, дворов и детских площадок, однако ребят Миша не встретил, как сквозь землю все провалились. Школьники сидели по домам, играли и купались на прудах или вообще не верну-

лись еще с дач и деревень — наслаждались последними днями лета. Только будущие первоклашки ждали первое сентября с нетерпением, а ученикам со стажем в школу не хотелось, никто не желал в эти дни даже думать о надвигавшейся беде.

Грустные мысли от потери компаса лишь промелькнули как стайка вездесущих воробьев, а потухший в глазах мир прояснился. Появился компас и пропал. Был и сплыл. Тем более, игра состоялась честь по чести и Миша это признавал. А если и пожалел о чем, то о том только, что вообще рискнул сыграть со старшим, неформально одетым парнем, которого не знал.

Прокручивая утренние события в памяти, мальчик пришел к выводу, что сам во всем виноват, сам решился сыграть, надеясь на умение и легкий выигрыш. А доводы Игоря — уголь в топку. Его доводы лишь разжигали, распаляли решимость. Но напрасно те волосатые ребята после игры на него давили. Они просто не знали, что Миша умел и не боялся проигрывать, долги признавал и отдавал их без сожаления.

Просто сегодня ему не повезло.

Запахавшись, Миша подбежал к «Великой китайской стене», вбежал в нужный подъезд, на лифте поднялся на десятый этаж и нажал кнопку звонка. Дверь открыла Лена. В полумраке ему показалось, что девочка еще больше загорела, а легкое белое платье только оттеняло загар.

Но то, что маячило на заднем фоне совсем не понравилась Мише. Он увидел белые зубы в обрамлении коричнево-

го лица, в котором угадывались знакомые черты — белесые вихры выгоревших русых волос и оттопыренные уши выдали чересчур загоревшего Лешу Типунова.

— А! Доктор Ватсон, — закричал неожиданный товарищ.

— Сам ты доктор, — скрипнул голосом Миша и хмуро прошел в комнату Лены, не слушая даже ее восторженного стрекотания.

Настроение начало портиться.

Миша посмотрел в окно и заметил, как одинокое сероватое облачко осторожно, будто опасаясь обжечься, подкрадывается к солнцу.

Тем временем Леша разложил на ковре диковинные раковины, почти круглые камушки, обточенные морем синие, зеленые, бордовые прозрачные осколки бутылок и прочую экзотику. Даже панцирь краба!

— Это я Лене подарить хочу, но раз ты пришел, может и тебе перепадет, а то мне мама уши прожужжала, что ты все лето не дурью маялся, а книжки про Шерлока Холмса и доктора Ватсона читал, — ехидно заметил Леша.

Да, это было горькой правдой. Не успел Леша вернуться с моря и смыть с себя морскую соль, ему тут же поставили в пример несчастного товарища, который летом не дурью маялся, а книжки читал.

И странно получилось. Мишу мама ругала за то, что он вместо скучной Хрестоматии по литературе читал классика детективного жанра, а Лешу мама отругала за то, что он в

аникулы вообще ничего не прочел, а лишь плавал и загорал.

Но отругали обоих!

— А чего это ты меня доктором Ватсоном обозвал? — насупился Миша, вспомнив брошенную в свой адрес реплику. Он прекрасно знал, что «Бог троицу любит», — так папа говорил. Но сейчас был тот самый случай, когда третий — лишний. И третьим Миша посчитал своего товарища Лешу.

— А кто ты еще? Может Шерлок Холмс? — со злостью ответил Леша, раздосадованный не меньше приятеля появлением того самого — третьего, которым лично он посчитал отнюдь не себя, а Мишу.

Тучи сгущались. И речь не о приближении природных катаклизмов, речь о назревшей между ребятами ссоре.

Но тут вмешалась Лена.

— Не спорьте! Доктор Ватсон это настоящий герой. Я когда читала книжку, буквально влюбилась в него. Без доктора мы даже не узнали бы о Шерлоке Холмсе, об этом в фильме не рассказали.

Оказывается она читала рассказы Артура Конан Дойля, раз смогла вот так, запросто, сравнить книгу с фильмом, — это приободрило Мишу.

— А кроме того, — продолжила Лена, — для Холмса расследование преступлений было работой, а для Ватсона нет. Помогая товарищу, он рисковал жизнью не меньше чем Холмс. Так что доктор мужественный человек. Он и людей лечил, и воевал, как наши папы! Нет, мальчишки, Ватсон и

есть главный герой, а Холмс не воевал!

Леша промолчал. Он действительно не читал книгу.

И в ту же секунду за окном посветлело. Это облачко сдул ветер, и солнце вновь засияло, осветило мир теплыми своими лучами. Сразу стало светлее и веселее глазу, а спор затих, так и не начавшись.

— Возьму вот эту ракушку, — Миша положил ребристый завиток в карман и вывалил на ковер содержимое чемоданчика.

— Это что? — спросил Леша с любопытством разглядывая инструменты.

— Это «унифицированный криминалистический чемодан для осмотра места происшествия, изъятия объектов и фиксации следов для последующего проведения экспертиз и исследований», — пояснил Миша. — Без такого следственного чемоданчика нельзя раскрыть ни одного преступления.

— А тебе зачем это нужно? — спросил Леша и посмотрел на Мишу очень красноречиво, с жалостью, как на дурачка. — Лавры Холмса покоя не дают?

Ему не хватало искры, чтобы вспыхнуть от смеха.

— Я поняла! — воскликнула Лена. — Миша хочет играть в сыщика Шерлока Холмса! Чур я тогда буду миссис Хадсон!

— Ни в кого я не хочу играть, — покраснел Миша.

— А чего тогда пятнами пошел? — усмехнулся Леша. — Хочешь быть Холмсом, будь им! А я стану доктором Ватсоном, раз уж миссис Хадсон считает его главным. И буду всем

о тебе рассказывать, а может и книгу про тебя напишу когда-нибудь. Но я думаю, что в сыщика играть нельзя!

— Это еще почему? — не понял Миша.

— Это же элементарно, Холмс! Потому что тебе придется самому совершать преступления. Придется самому раскрывать эти преступления. И придется самого себя сажать в тюрьму за совершенные и раскрытые тобой же преступления! Так что после первого раскрытого тобой преступления твоя игра заглохнет на несколько лет лишения свободы, — ответил Леша и весело расхохотался.

А Миша грустно промолчал. Он вдруг понял, каким дурачком будет выглядеть в школе со своим следственным чемоданчиком. Леша прав. Как можно играть в сыщика? Это не «в баночки» перекинуться, где можно выиграть или проиграть. Сыщиком надо либо быть, либо не быть вовсе.

А если им быть — надо раскрывать преступления.

А где взять преступления?

— Не волнуйся, Миша. Ты придумал интересную игру, а преступлений для нее в нашем городе на двести Шерлоков Холмсов хватит, — будто прочитав его мысли, ответила Лена и повела ребят на кухню, где на столе стоял крутобокий, будто из золота вылитый, дореволюционный самовар, который достался по наследству отцу Лены вместе с домом на берегу Терека.

Миша с Лешей с восхищением уставились в его золотое пузо.

А слова Лены о том, что игра в сыщика интересная и очень опасная, Миша как-то пропустил мимо ушей. Он уже раздумал в нее играть.

Его другой вопрос мучил.

— Вот послушайте, — вдруг встрепенулся он. — «Разыскиваются: а/м „Жигули“, „12—16 ювп“, угнан от дома 15 по ул. Победы 6 августа и а/м „Москвич“, „24—12 ювп“, угнан от дома 1 по ул. Мира 15 августа сего года. При обнаружении, просьба сообщить через коммутатор, добавочные 10—12 или 21—13 на имя...» короче, это папа попросил расшифровать. Тут скрыта какая-то важная информация, а я ничего не понял!

— Ну! — с улыбкой протянул Леша. — Тоже мне, загадка. Это телеграмма местного ОВД о розыске угнанных автомобилей. Кстати, один почти от твоего дома угнали и папа намекает, что пора бы вернуть...

— Дурак что ли! — обозлился Миша, поняв, что шутки товарища снова переходят на личность, на его личность. — Лена, а ты что думаешь?

— Тут много цифр, — отозвалась девочка, вписывая цифры в тетрадку. — 12, 16, 15, 6, 24, 12, 1, 15, 10, 12, 21, 13. Может, это координаты?

Леша почесал нос и сморщил лоб. Обычно, он так думал. Ему нравилось показывать окружающим, как он думает. Ему казалось, что если не сморщить лоб и не почесать нос, то все подумают об отсутствии у него собственных мыслей.

— У древних римлян, — возразил он, — цифры писали буквами. Икс — это 10, два икса — 20, три икса — 30 и так далее. Может здесь наоборот, цифры означают буквы?

— Но только не римские! — отозвался Миша.

— Конечно не римские, — и Леша принялся считать, загибая пальцы. — Первая: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к... буква «К»; вторая: а, б, в, г...

Но Лена оказалась быстрее.

— Конец каникул! — прочитала она и лица ребят помрачнели.

Первое преступление в школе

Первого сентября Миша был разбужен мамой непривычно рано, в семь часов утра. Он с трудом нашел в себе силы встать, умыться с мылом, позавтракать, надеть белоснежную рубашу, повязать красный галстук, натянуть темно-синие брюки и того же цвета курточку с алюминиевыми пуговыми пуговицами и ученической эмблемой на левом рукаве в виде открытой тетради и восходящего солнца. Все казалось тесным, негнущимся. Руки в локтях и ноги в коленях будто одеревенели, стало жарко, и горло сдавила верхняя пуговица.

Не выдержав, мальчик повалился на только что прибранную кровать, смял покрывало и отказался идти в школу. Слезы сами навернулись на глазах, но мама умела убеждать. Она ловко взяла Мишу за ворот курточки и поставила на ноги.

— Поторопись, — только и сказала она.

Миша знал, что спорить бесполезно. Мама отпросилась с работы и не хотела тратить время попусту, ей непременно надо было поприсутствовать на торжественном построении, увидеться с другими мамами — бывшими ее одноклассницами, узнать сарафанные новости, да и вообще...

Скрепя сердце, Миша закинул на спину бежевый ранец, взял в руку букет красных гладиолусов и вышел на улицу, где смешался с угрюмой толпой таких же несчастных детей.

Мальчики шли в однотипных темно-синих курточках и брюках, девочки в коричневых платьях с белыми передничками.

Все шли с цветами и мамами. Но большинство ребят сворачивали к новой школе и вливались в бесхозную толпу перед ее входом. Эта школа пока не была ограждена и буквально дышала цементом и краской, даже строительный мусор не был прибран вокруг нее. Шум в толпе стоял невыносимый — первые ученики делились впечатлениями.

А Миша с мамой тихо пошли дальше и с трепетом зашли во двор школы, которую теперь начали называть «старой», но старой она не была. Когда-то мама читала Мише книжку о похождениях нерадивого ученика и на картинках он видел школу, как две капли похожую на ту, в которой училась сама мама — на ту, рядом с которой построили потом «Великую китайскую стену». Но зато, как и тот нерадивый ученик в книжке, в первом классе Миша успел посидеть не за столом, а за самой настоящей партой с наклонной поверхностью и с прорезями для чернильниц, хотя перьями ученики уже давно не пользовались, а писали перьевыми и даже шариковыми ручками.

На фоне открытой со всех сторон новой школы, старая казалась затерянной среди лип, тополей и кустов шиповника. На асфальтированной площадке перед входом кучковались ребята. Они тоже нестройно галдели, распределяясь постепенно по классам. В сравнении с прошлым годом учеников стало значительно меньше — половину перевели.

Леша и Лена уже пришли и толкались в толпе одноклассников.

Средь шума, особенно противно звучал голос Типунова, который громко рассказывал о следственном чемоданчике. Миша прислушался и понял, что лично ему в этих рассказах отведена роль глуповатого следователя Лестрейда.

И как бы в подтверждение, Леша громко воскликнул:

— А, инспектор Лестрейд. Наконец-то!

— Ослеп, что ли, Ватсон! Холмса не узнаешь? — нашелся Миша и смех ребят показал, что ответ пришелся им по вкусу.

Классы выстроились в каре.

Нарядные учителя встали в шеренгу напротив ребят. А «солидная во всех отношениях дама старой закалки» — так директора школы называл папа Миши — заняла место на высокой площадке перед входом.

Благодаря колоннам, которые держали над площадкой плоскую крышу, она очень напоминала древнегреческий портик. Но ребята прозвали этот портик «конем» и получилось, что директор была на «коне».

Анна Лазаревна в рупор прокричала, что половина классов и учителей уже переведены в новую школу и оставшиеся дети будут учиться в одну смену — в первую!

Слова эти вызвали бурю восторга. Над притихшим было двором снова поднялся гвалт и учителям потребовалось время, чтобы всех успокоить. Причем успокаивать пришлось даже мамочек, в недалеком прошлом таких же юных школь-

ниц.

Построение закончилось традиционным звонком первоклашки.

Напрочь забыв о работе и рабочем времени, мама Миши что-то горячо обсуждала с подружками, смеялась, жестикулировала. Наверное, она даже не заметила, как единственный оставшийся в школе седьмой класс строем зашел и скрылся в глуши коридоров, а с ним и Миша с Лешей.

Их ждала, хоть и бескровная, но все же битва за право сидеть за одной партой с Леной Идрисовой. Леша уже пробрался вперед и готовился занять любимую парту девочки (вторую в левом от учителя ряду), а Мишу оттеснили почти в конец строя. Идущие перед ним Жанна Хоменко с Денисом Марецким уперлись, не пропускали.

Но все решилось само собой. Ольга Степановна (та самая учитель алгебры, возраст которой предстояло еще определить), она же классный руководитель, решала рассадить ребят сама.

И начала со среднего ряда.

— Типунов, Идрисова — первая парта; два Иванова — вторая парта... — это последние фамилии, в которые Миша вслушался. Оттолкнув своего миниатюрного однофамильца, он пристроился за спиной у Лены, выбрав тот же «первый вариант».

Учеников еще рассаживали, а Миша уже успокоился, хотя Леша и поглядывал на него взглядом победителя. А в чем

победа, если он теперь будет видеть перед собой лишь строгое лицо учителя, а Миша спину и шикарные волосы Лены Идрисовой? И, как бы в подтверждение, девочка тряхнула головой и ее густые локоны будто волнами пошли!

И кто тут победитель?

«Миру мир!» — так написала мелом на классной доске Ольга Степановна своим знаменитым почерком девочки-отличницы, — настолько красивыми и четкими были буквы и их соединения. Все знали, что лет десять назад она окончила эту же школу с золотой медалью и была принята в педагогический институт без вступительных экзаменов. А теперь вернулась и начала передавать знания следующим поколениям будущих учителей.

Но Миша ее не слушал и вообще смутно представлял, где находятся Израиль, Ливан и Палестина о которых шла речь на первом уроке. Он оглядывал измененный до неузнаваемости класс — это было ближе ему и понятнее. Помещение явно готовили под кабинет биологии.

В прошлом году, кроме временных, непонятно откуда привезенных крашеных-перекрашенных столов, стульев и потрепанных штор на окнах, здесь не было ровным счетом ничего. Но за лето старую мебель заменили новой, на окна навесили модные вертикальные жалюзи, а вдоль стены, в симпатичных металлических шкафчиках со стеклянными полками, поблескивали склянки с заспиртованными змеями, моллюсками и ракушками, похожими на те, что Леша

привез с моря.

И пока учительница увлеченно рассказывала о незавидном положении дел на Ближнем Востоке, в одной из склянок Миша разглядел треугольный панцирь краба! Не один Миша, а все ученики переключили внимание с классной доски на склянки, но тут...

Резко, будто право имела, в класс зашла пионервожатая по фамилии Егорова, она же комсорг школы, она же психолог, и строгим голосом огласила устный приказ директора: три мальчика и три девочки после уроков должны выйти во двор и ждать учителя труда. А потом добавила, что работа будет интересной, очень ответственной и назначить надо самых достойных из самых смысленых.

Эти слова отвлекали ребят от склянок и заставили обратить взоры на учительницу — искать ее расположение.

Никому не хотелось работать.

Однако приказ есть приказ, и даже в школе приказы исполнялись неукоснительно. По несуществующему закону, который все называют «закон подлости», в число избранных попали Миша, Леша и Денис Марецкий. Добровольно к ним присоединились Лена Идрисова и Жанна Хоменко с которыми и без слов все было понятно. А зачем вызвалась идти Марина Киселева, самая высокая и худенькая девочка с красивыми глазками и совершенно белыми непослушными волосами, — никто не понял.

И самым непонимающим казался Леша Типунов.

Но перед тем, как отпустить ребят, Ольга Степановна кое-что вспомнила и под гул возбужденных голосов вызвала к доске Мишу.

— Ну, что там по поводу моего возраста скажешь, Иванов? Условия задачи помнишь, или напомнить?

— Напомнить, — пробурчал Миша.

— Напоминаю. Интересоваться у взрослых женщин о возрасте — верх неприличия даже для школьника средних классов, не говоря уже о мужчинах. Женщине столько лет, на сколько она выглядит. Если не родители, то школа вас этому должна научить. Мой ответ на твой вопрос звучал так: мне столько же недель от роду, сколько моей дочке дней, а вместе нам 32 года. Так сколько нам лет, Иванов?

Класс зашептался с новой силой.

Все давно забыли события конца мая и теперь наперебой предлагали свои варианты «правильных» ответов. Просто ответы были разными. Не было ответа только у Миши и рука учительницы уже тянулась к классному журналу... впрочем, она отложила ручку в сторону, отодвинула от себя журнал и призвала к порядку и тишине.

— Ребята, задание для вас пока сложное, но оно на сообразительность. В задании главное слово — «неделя». Плохо у Иванова с сообрази...

— Я понял! — вдруг вскричал Миша, перебив учительницу на полуслове, молнией в его голове пронеслась простая формула. — Вам 28 лет!

— Ну-ка, ну-ка. Ребята! — обратилась покрасневшая Ольга Степановна к удивленно загалдевшему классу. — Помолчите, слушаем!

— Если вам столько же недель, сколько вашей дочке дней, то вы прожили в семь раз больше, чем она, так как в одной неделе семь дней. За «икс» мы возьмем возраст дочки. За «семь икс» ваш возраст. Сложим и получим, что «восемь икс» равно 32. Отсюда: «икс» равен 4. Значит вашей дочке четыре годика, а вам в семь раз больше — 28.

Буря аплодисментов заглушила последние слова Миши. А громче всех хлопала Лена!

— Ну и ну, Иванов! Прямо у доски понял! Молодец, сообразительный молодой человек, — только и вымолвила Ольга Степановна, а когда класс поуспокоился, ее рука вновь потянулась к классному журналу...

— Пять! — озвучил Леша, будто для того и сидел на первой парте.

И ребята пошли во двор школы.

Пока ждали учителя труда, мальчики коротали время игрой в баночки, а девочки болели за них. Тогда и стало понятно, почему осталась Марина. Уж больно она за Лешу переживала, а тот лишь недовольно морщился.

Миша в этот раз не сплоховал, к оставшейся у него в кармане «фанте» умудрился добавить две «пепси», одну из которых выиграл у Лешы, вторую у Дениса, — играли долго, совершенно забыв об обещанной им работе. А работа так и

не начиналась.

Оптический нивелир пропал!

Этот ценный геодезический прибор для определения разности высот между точками земной поверхности хранился на первом этаже в запертом кабинете труда. Его долго искали. Не нашли. И даже предположить не могли куда он делся. Ключ хранился у самого учителя труда — бывшего заводского мастера Ивана Никодимовича, дубликат у Анны Лазаревны.

Но они вне подозрений.

Единственное, в кабинете с вечера осталось открытым окно...

Узнав об этом Миша, Леша и Лена переглянулись.

— Вот оно, настоящее преступление! — сказал Леша. — Кража!

— Ну, Шерлок Типунов, — на полном серьезе отозвался главный силач класса Денис Марецкий, — покажи мастерство.

— А я что? Инструмент у Миши, пусть и покажет мастерство, он же утром себя Холмсом назвал, а меня только Ватсоном, забыл что ли?

— Точно, Денис! — поддакнула красавица Жанна. Она была вредной девочкой, самой вредной в классе. Вечно ей нужен был кто-то, над кем можно посмеяться. Вот и выбрала она в качестве объекта насмешек Лену, смеялась и острила над ее смуглым личиком.

Миша давно бы проучил эту вертихвостку, но почему-то Денис Марецкий взял ее под свою защиту, о чем всех уведомил, — это застопорило намеченную было месть.

— Назвался сыщиком, докажи! — закончила мысль Жанна, пока ребята поглядывали на ее защитника, разминавшего кулаки ударами об асфальт.

Миша не стал спорить. Он понял, что это его первый, а может и единственный шанс стать сыщиком. И упустить такой шанс он не мог. Ведь сыщик — это не игра. Это дела!

И тогда Миша принял такой же отрешенный вид, какой в кино случался у следователей, когда те пытались раскрывать сложные преступные интриги силой одного лишь разума.

На его месте Леша бы наморщил лоб и почесал нос.

Но Миша просто закатил глаза и сказал:

— Если окно было открыто, вор мог проникнуть в класс и украсть нивелир только через него. Почва под окном мягкая, недавно была распахана под грядки и там вполне могли остаться следы обуви... айда смотреть!

— Пошли, — отозвался Денис и первым направился к той стене, куда выходило окно кабинета труда.

— Не спеши. Главное самим не наследить, — крикнул Миша и схватил Дениса за плечо, а тот сильным движением сбросил с себя его руку и показал кулак.

— И все равно не спеши! — уже твердо повторил Миша. — Если хочешь раскрыть преступление, то я пойду первым, а ты за мной, по пятам. Не согласен, сам расследуй.

— Пускай Миша расследует, — прошептала Лена.

— А что это ты покраснела? — отозвалась Жанна, но Лена промолчала.

— Стойте! — скомандовал из-под самого окна Миша, который первым увидел цепочку заваленных осыпавшейся почвой следов от забора к окну и обратно, от окна к забору.

— Они все смазаны! — с сожалением воскликнул Леша.
— Кажется их специально засыпали.

— Вот хороший след, — воскликнула Лена. Ближе к забору она увидела неглубокий отпечаток со странным узором — с крестиками. Нога возможного вора угодила в том месте не на рыхлую грядку, а на почву potvrде.

— Это Польша, спортивные бутсы, — уверенно сказала Марина.

Сама она никому ничего о себе и своей семье не рассказывала, одежду носила отечественную, однако по слухам, ее отец часто выезжал за рубеж и привозил оттуда загадочные модные журналы и вещи, которые девочка тоже смотрела и примеряла, но никому не показывала.

И ребята поверили Марине, как эксперту.

— Раз импортные, значит ценные бутсы, вор их не выбросит, — сказал Миша. — Я тогда сбегая домой за чемоданчиком, Жанна с Леной пускай никого не подпускают к окну кабинета, а остальные следят за следом и если что, защищают его!

— За каким чемоданчиком? — крикнул вслед Денис.

— За следственным чемоданчиком, — отозвался Леша, так как Миша уже прополз под забором и мчался вдоль новой школы к дому.

Все ребята смотрели фильмы про следователей и преступников, но никто не расследовал преступления сам, никто не знал, что делать с обнаруженным следом. Только Миша знал. Но когда минут через пятнадцать он вернулся, то никому не сказал, что прибежав домой, первым делом позвонил папе и спросил, с чего следователь начинает расследование преступления?

Прервав важное совещание, папа объяснил...

— Начнем с осмотра места происшествия! — подняв указательный палец вверх, многозначительно повторил Миша слова своего папы.

Ребята приготовились слушать.

— Если вы читали про Шерлока Холмса, — продолжил Миша, — то знаете, что каждое дело он раскрывал исключительно после тщательного осмотра места происшествия и всегда ругал инспектора Лестрейда, который умудрялся или не заметить следы преступников, или неверно их истолковать, или просто затоптать. Поэтому, первым моим указанием было никого к окну не подпускать! Никто не подходил, Жанна?

Миша с самым серьезным видом повернулся к Жанне Хоменко, которая с нескрываемым любопытством вдруг посмотрела на него.

— Нет, сэр! Никто не подходил! — звонкий голос смазливой девочки вызвал оживление, а Миша удовлетворено шмыгнул носом и направился к тому месту, где был обнаружен единственный целый след.

— Нужна вода. Жанна и Лена, вам надо сейчас пойти в школу, взять у бабы Вали ведро и принести сюда воду. Справитесь?

— Я пойду, а Ленка пусть тут сидит, — Денис привстал с земли, а Лена вновь присела рядом с Лешей.

Денис с Жанной побежали в школу, а Миша вынул из чемоданчика пакет с гипсом, пучок металлических проволочек и тут только вспомнил, что лак из набора криминалиста у него закончился, а мерный сосуд он забыл дома.

— У кого-нибудь есть лак для волос? — с заметной неуверенностью в голосе спросил Миша.

— У меня есть, — неожиданно ответила Марина и достала из ранца импортный баллончик. — Его папа из Парижа привез.

Первый раз про границу сказала. И на Лешу опять зыркнула. Но тот уже на нее не сердился, он краснеть начал.

А Миша занялся следом.

Оказалось, что французский лак укреплял сыпучий грунт не хуже отечественного, о чем юный сыщик и сказал, возвращая пустой баллончик Марине.

Потом принесли ведра, да не одно, а целых три. Ведь Миша не сказал сколько воды нужно. Денис не зря считал-

ся самым сильным в классе. Обливаясь потом, он дотащил два оцинкованных пятилитровых ведра, почти не расплескав жидкость. А худенькая стройняшка Жанна Хоменко очень даже красиво принесла пластиковое трехлитровое ведро, почти пустое.

Но Мише нужен был только один литр!

— Только один? — воскликнул заметно уставший Денис с неожиданной обидой в голосе.

— А как ты его отмеришь? — спросила Лена.

Миша не ответил. Он молча выплеснул остаток воды из трехлитрового ведра, вновь заполнил его водой из пятилитрового и снова опорожнил. То же самое проделал и со второй пятилитровкой. Теперь в двух пятилитровых ведрах осталось по два литра. Слив из них три литра в трехлитровое, Миша получил остаток — один литр.

Вот тогда юный Холмс и приступил к получению гипсовых слепков по известной уже процедуре. Ничего не поясняя, он стал похож на иллюзиониста, который на потеху публики, что-то там колдует непонятное и всех удивляет неожиданным результатом.

Через сорок минут Миша вынул из земли по всем правилам залитый и укрепленный арматурой гипсовый след и сказал:

— Есть еще стекло и на нем отпечатки пальцев! — но тут ничего не вышло. Окно было закрыто, а снаружи виднелись лишь туманности без папиллярных узоров.

Если и были на стекле какие-то отпечатки, то их смазали.

— И не надо, — успокоил ребят Миша, — в любом случае у нас есть отпечаток редкого ботинка, наш город не такой большой как Лондон, так что найдем.

— Не понятно только, кого подозревать, — сказала Марина.

— Без доказательств подозревать никого нельзя, — вспомнил слова папы Миша. — Нужно собирать доказательства и одно уже есть!

Тут во дворе школы послышалось какое-то движение.

Денис кивнул в сторону учителя труда Ивана Никодимовича, который почти бегом, но сильно хромая, направлялся к ним.

— Не разошлись еще? — крикнул он, озираясь. — Идите по домам, не будет сейчас работы, не тратьте время.

В тот же момент Иван Никодимович изменил направление и поспешил навстречу участковому милиционеру. То был молодой, спортивного вида офицер с двумя маленькими звездочками на погонах. Он прошел легкой, но сильной походкой, приветливо улыбнулся ребятам, остановился и вдруг козырнул им, поднеся огромную ладонь к фуражке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.